

МАРИЯ САНТИ

СМЕРТЬ В ЗОЛОТОЙ РАМЕ

АГАТА КРИСТИ
ЧИТАЛА БЫ ЭТО ВСЮ НОЧЬ

Детектив с трогательным финалом

Мария Санти

Смерть в золотой раме

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Санти М.

Смерть в золотой раме / М. Санти — «Эксмо»,
2023 — (Детектив с трогательным финалом)

ISBN 978-5-04-195589-2

Богатая усадьба, мирный семейный ужин, теплые слова, безобидные намеки – чем не подходящая атмосфера для преступления?.. В своем загородном доме при странных обстоятельствах умирает известный в столичных кругах искусствовед и актриса Ольга. По данным экспертизы, смерть наступила в результате приема противопоказанного ей лекарства. Что это – суицид, роковая неосторожность или... убийство? Под подозрение попадают все, кто был в доме во время последнего совместного ужина, – родственники и гости умершей... Друг семьи приглашает известного адвоката Платона Смородину, чтобы тот провел независимое расследование. Смородина выясняет, что незадолго до смерти Ольга сняла со счета в банке значительную сумму денег, которые при обыске не были найдены. Кроме того, известно, что она готовила к публикации сенсационный роман, раскрывающий тайны закулисной жизни номенклатурной верхушки. Все эти факты вполне могли быть мотивом преступления. Адвокат тщательно устанавливает роль каждого участника злополучного вечера и уже догадывается, как все было на самом деле. Однако, в последний момент случается новое страшное происшествие...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-195589-2

© Санти М., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Предисловие	7
Дом в лесу	8
Первый визит к Александру	11
Лена	14
Вениамин	16
Даниил	19
Спальня	22
Зоя	28
Татьяна	30
Снова спальня	31
Фреска	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мария Санти

Смерть в золотой раме

© Санти М., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Предисловие

Все действующие лица и локации романа вымышлены. «Совпадения», если таковые усматриваются, остаются на совести тех, кто считает их таковыми. Герои не могли быть списаны со знаменитых людей, особенно главная дрянь.

В ходе повествования читатель овладеет некоторыми знаниями по истории изобразительного искусства. Все упоминаемые исторические персонажи реальны, равно как и события из их жизни.

Дом в лесу

Чтобы добраться до этого дома, нужно было знать его точные координаты. Некоторое время нужно было ехать по широко известному и самому престижному в Москве району, потом выехать за город. Но случайно едущий человек с трудом разглядел бы указатель и, скорее всего, пропустил бы поворот. Дорога, которая вела к небольшому поселку, ничем не выделялась. Свернув на нее, гость должен был долго ехать через лес. Лес обрывался, его сменяла просека и почти сразу за ней поднималась высокая глухая стена и стоял неприветливый КПП. Здесь вообще никому не были рады, но чужим особенно. Место было похоже на легендарные старообрядческие поселения, сохранившиеся на Русском Севере. Если усталый путник постучит в ворота, ему оттуда протянут кружку с водой. А если он захочет ее вернуть – демонстративно ее выкинут.

Миновав контрольно-пропускной пункт, автомобиль попадал на благоустроенную территорию из восьми больших владений. Между ними не было высоких бетонных заборов, сами участки утопали в садах, напоминая дворянские усадьбы прошлого. Владельцы могли годами друг друга не встречать.

В глубине одного из владений стоял двухэтажный особняк. Его облик напоминал сталинский ампир, хотя ни привычного для этого стиля декора, ни каменных рабочих сверху наложено не было. Атмосфера в мини-поместье была спокойной. После прихожей гости попадали в просторную гостиную, объединявшую два высоких этажа. В доме были тренажерный зал, бассейн, оружейная комната. Последняя со смертью хозяина оказалась всеми забыта и, если бы не тихая филиппинка, прибиравшаяся в ней, утонула бы в пыли. В тот вечер в доме отмечали Международный день элегантности. Этот праздник, который кое-кто из гостей с годами действительно стал считать международным, был изобретен хозяйкой дома взамен банальному дню рождения.

Ужинали семеро. Журналисту, если бы он присутствовал на мероприятии, было бы что рассказать и о гостях, и о знаменитой хозяйке дома в лесу.

Именинница Ольга, она же чествуемое в тот день живое олицетворение элегантности, была женщиной пятидесяти с длинным хвостиком лет. В семидесятых она снялась в паре фильмов, один из которых посмотрели все подростки Советского Союза. Режиссер в интервью говорил, что влюбился в ее глаза, случайно увидев на улице. Юную Ольгу преследовали поклонники, заваливая письмами и подарками. Все это продолжалось несколько лет и порядком ей надоело. Как следует помотав нервы родителям, в тридцать лет она вышла замуж за папиного сослуживца и мирно прожила с ним в этом доме двадцать пять лет. Два года назад после продолжительной болезни ее супруг скончался. На рубеже прошлого и нынешнего века Ольга увлеклась коллекционированием живописи. Она проводила долгие часы в антикварных магазинах и для приобретения картин даже путешествовала по России. Чтобы систематизировать новые знания, она окончила факультет истории искусств Университета и написала пять книг о живописи. В кругу специалистов они были встречены с безразличием. Однако номенклатурные коллекционерские круги восприняли их с энтузиазмом, и работавшей на них богеме это отношение пришлось разделить. Так вирус благосклонного отношения к Ольге-писателю широко распространился. Редкие читавшие ее книги люди с изумлением говорили, что те написаны остроумно и что у автора есть собственное видение – вещь редкая, как краснокнижный зверь. Ольга не спорила, если ее называли человеком эпохи Возрождения. Ее статья была безупречна. Осанка балерины соединялась с грацией женщины, чье спокойствие никогда не было потревожено. Она напоминала Диану де Пуатье, которая в те же 59 лет имела огромное влияние на своего преданного любовника, короля Франции. У нее были огромные серые глаза, волосы с проседью («красятся пусть старушки!») и очень много сил.

Лена – племянница Ольги – не обладала ни яркой внешностью, ни тетушкиной харизмой. Это была добрая воспитанная девушка двадцати восьми лет, из которых восемь последних она училась и жила в Европе. Большого состояния родители ей не оставили, но две квартиры в центре Москвы, которые снимали для своих сотрудников международные компании, позволяли ей жить без особых забот. Кроме того, она была единственной родственницей Ольги, а значит, и ее наследницей. Характер у Лены был спокойный, а сама она – вдумчивой. Решив, что надо «чем-то заниматься», она устроилась на работу в камерный московский музей. В экспозиции было тесно, пыльно, но любые попытки модернизации зала рассматривались как святотатство. Лене подходила исследовательская работа, и в профессиональных сборниках выходили ее статьи, посвященные живописцам первой половины XIX века. Она была похожа на Василису Прекрасную, и за глаза ее нередко называли «эта с косой». Интеллигентная Лена никогда не показывала коллегам фотографии своей набитой антиквариатом квартиры и тем более не рассказывала про знаменитую тетю.

Алевтину, дочь садовника 17 лет, кажется, никогда в доме не называли ее полным именем, только «девочка», «она». Молчаливая, испуганная, длинная и сутулая она была рада любому вниманию. У нее был странный гардероб из дешевых вещей и старых вещей Ольги. У нее не было друзей-ровесников, она почти не покидала дом. За длинным асимметричным каре из светло-русых волос никто не замечал ее глаз. Ольга помогла ей с грехом пополам окончить экстерном школу, а после пристроила в платный вуз на заочное отделение изучать бухгалтерское дело, которое «обязательно пригодится». Аля с вдовым отцом жила в отдельном домике на противоположной стороне участка. Садовник пил, от него пахло, но Ольга «жалела его ради Али» и говорила, что другого такого трудягу она не найдет. Участок действительно был ухожен, правда, занималась этим в последние два года Алевтина. Когда Ольгу спрашивали, зачем ей в доме неловкая и несообразительная девушка, она улыбалась и отвечала: «Меценатствую».

Также на ужин была приглашена давняя подруга именинницы – Татьяна, грузная шатенка с больными ногами. Таня тоже была искусствоведом, до знакомства с Ольгой у нее вышли две книги, но признания они не получили. Она бралась за любую работу: давала уроки, писала обзоры выставок. За ее спиной Ольга рассказывала, что спасла ее от тяжелой работы по уборке квартир. Тане было тридцать восемь, однако издалека она выглядела старше Ольги. Начитанная, умная, из провинциальной интеллигентной семьи, Таня с трудом представляла себе, что человек может не знать, например, как умер император Клавдий, и даже не интересоваться этим. Как только появились блоги в интернете, она к ним приросла, обретя там отдушину и друзей. Татьяна – мать-одиночка, единственный работающий человек в семье из трех женщин.

Даниил был своим человеком в доме Ольги, дальним родственником ее мужа. Любая российская женщина от 13 до 83, взглянув на него, с большой вероятностью воскликнула бы «Какой хороший мальчик!». Он не выделялся внешне, разве что у него были очень хорошие зубы. Муж Ольги всегда говорил родне, что они должны всего добиться сами. И вот Даниил в свои двадцать восемь лет кое-чего добился – ездил на последней модели Audi и уверенно вел свое дело к новым вершинам. Девушки на него уже охотились, но он мало обращал на них внимания и называл своей семьей Ольгу и Елену. Стройный, кареглазый с кучерявыми волосами «ботан», он обладал талантом нравиться людям.

Федор, председатель благотворительного фонда «Дай копеечку», приятельствовал с Ольгой более тридцати лет. Он всегда был себе на уме. Дорого одевался и был похож на филина. Круглый, пузатый, в широких очках, он тоже коллекционировал предметы живописи. Жил Федя, по его собственному признанию, «на пенсию», а именно на свой выгодно проданный фармацевтический бизнес. Проживал в загородном доме неподалеку от Ольги вдвоем с зенненхундом Беней. В молодости он имел привычку жениться на красивых и умных женщинах – в частности, был женат на подруге Ольги и по старой памяти называл хозяйку дома «Леля»

или «наша орхидея». Федор считал себя обязанным ухаживать за всеми девушками в зоне досягаемости, однако обещаниями сделать девушку богатой вдовой не сорил. Когда он говорил «душечка», казалось, его круглое тело покрывалось невидимым камзолом, а на голове возникал пудренный парик.

Толя Мамонов, в определенных узких кругах известный как Мамонт, выглядел на этом празднике культуры и ума как золотой зуб во рту младенца – то есть неуместно. Невысокий, коренастый, он был цельным, как пиксель. Лицо у него было лопатой, и в фильмах Балабанова он мог бы играть без грима. Ловко сменив личину в конце 90-х, сегодня он представлялся бизнесменом, однако темные брянские леса помнили его подвиги периода первичного накопления капитала. Он познакомился с Ольгой вскоре после смерти ее мужа. Ольга говорила, что, утомившись мыльным обществом жриц Астарты¹, он «почувствовал дефицитарность образования и душевного развития», поэтому и рад общению. Толя следил за тем, чтобы все счета за дом были оплачены вовремя, а все расходные материалы для жизни закуплены. Также он распугивал потенциальных просителей денег одной только непередаваемой игрой морщин на своем лице пятидесятилетнего мужчины. Ольгу он называл королевой. И писал стихи, от которых тошнило Татьяну.

Кроме этих семерых в доме находились домработница филиппинка Марла и постоянно живущая при Ольге медсестра Зоя – прямоугольная, сбитая и немногословная.

В тот вечер Ольга обещала рассказать «восхитительную историю» и заинтриговала гостей рассказами о том, что скоро «весь мир узнает огромную тайну». Она сияла, ахала, охала, взмахивала руками и кокетничала с Федором так, словно им обоим снова было по двадцать лет.

А утром она не проснулась. Вскрытие показало, что она выпила целый пузырек лекарства, которое ей, с ее сердцем, было строго противопоказано. Однако это лекарство она купила сама, и этому нашлись доказательства.

¹ Астарта – древнесемитская (финикийская) богиня плодородия, любви и материнства, богиня-воительница, олицетворение планеты Венера.

Первый визит к Александру

Известный московский адвокат Платон Степанович Смородина не был удивлен ни удаленностью расположения усадьбы, в которую его пригласили, ни строгостью досмотра. Это был похожий на плюшевого мишку пятидесятилетний мужчина, в котором опознал бы профессора даже бомж. Однако не следовало шутить над его десертной фамилией – Платона Степановича уважали даже те, кто ему проигрывал процесс. Ненавидели и уважали. Он был весь ухоженный, со вкусом одетый – оправка очков сочеталась с цветом сорочки, а последняя была настолько свежа, что с головой выдавала любовь, которую испытывает к этому большеголовому человеку тот, кто следит за его внешним видом. Он был немножечко рассеянным, добрым и романтичным. Регулярно терял ключи от дома, и их находили то в коробке из-под обуви, то в микроволновке. Когда машина подвозила его к дому, Смородина внимательно смотрел на встречающих его людей подслеповатыми глазами крота в больших очках с толстыми стеклами.

Еще со времен аспирантуры он был для всех Платоном Степановичем. Потей и Тошей, кроме жены, его называли сегодня разве что друзья детства. Приятели, обретенные им в зрелом возрасте, даже после долгих лет дружбы называли его по имени-отчеству.

Смородина не сразу согласился приехать, его настораживала формулировка «есть некоторая специфика, которую можно объяснить только лично». Он не любил «влиятельных» клиентов, предпочитая им простых богатых людей. «Влиятельные» платили в лучшем случае так же, как и остальные, а работы выходило больше. Если же работы не выходило больше, «влиятельные» норовили добрать нервами, личным временем, унижениями. Они были глубоко убеждены в том, что работать на них – счастье. Однако его уверили, что ничего уголовного в деле нет, и окончательно поймали на имя Ольги, в которую школьник Тоша, впервые увидевший глаза-блюдца на экране черно-белого телевизора, конечно же, был влюблен. Еще звонивший уверял, что его слава интеллектуала, друга философов и режиссеров, будет востребована в полной мере.

– Ну уж и слава, – пробурчал, повесив трубку, Платон Степанович, однако несколько минут после этого просидел совершенно без дела.

Влиятельный человек оказался невысоким и лысым, с темно-кариыми глазами. В профиль, из-за длинного носа со сложным рельефом, Александр был похож на Кощея Бессмертного. Платон Степанович подумал, что, должно быть, у этого ветхого старца хрупкие кости. Однако его осанка не вызвала бы вопросов на балу у императора еще сто лет назад. В гостиной и кабинете висели картины XIX века, Смородина узнал размашистую кисть Репина. Он подумал о том, что время идет неравномерно, и мы часто живем ценностями позапрошлого века – читаем Чехова, любим Серова. Системы собирательства не прослеживалось, видно было, что картины подбирал не антиквар и не галерист. Хозяин замка-берлоги не впадал и в минимализм – способ, с помощью которого человек заявляет, что он против вкуса чиновничьей верхушки и не слушает Любовь Успенскую. Александр тащил в дом что хотел. Представитель журнала «Архитектурный дайджест» скривил бы лицо, оказавшись в таком интерьере.

– Мне рекомендовали вас как человека деликатного. Кроме того, я искал адвоката, который... чувствует искусство. Отчасти, я так понимаю, вас ввели в курс дела? Ушла из жизни дочь человека, которому я многим обязан.

Александр выложил на стол перед Смородиной большую черно-белую фотографию красивой большеглазой женщины элегантного возраста. Платон Степанович помнил ее юной, но сразу узнал.

– У следствия нет вопросов, – продолжал Александр. – А у меня есть. Например, в последний вечер она говорила про какую-то тайну, которую скоро все узнают. Оля была вхожа в самые высокие, невидимые обывателю слои общества. Что она имела в виду? Я хочу это знать.

– Но я адвокат, а не следователь.

Александр пропустил эти слова мимо ушей. Такова была его манера работы с возражениями.

– Я никогда не понимал Ольгу. Вы ведь узнали ее? Признайтесь, были влюблены в детстве? Конечно, были. Вы приятельствуете с режиссерами, актерами, всеми этими лишними людьми, обойдемся без вежливости. Ольга была не такая. Я знаю, как относится к нам богема. Завидует. Потому что это мы соль земли. Не будет нас – ничего не будет. Вас удивляет, что я говорю метафорами?

Платон Степанович мог бы многое рассказать про отличие фразеологизма от метафоры, но если он чего-то и добился в жизни, то потому, что умел договариваться. Весь его жизненный опыт подсказывал, что таких людей, как Александр, нельзя ни поправлять, ни тем более учить. Александр хотел произвести на него впечатление образованного человека, небанального представителя спецслужб? Пожалуйста.

– Нет. Я уже оценил выбор живописи.

– Я хочу, чтобы вы поняли ее душу.

Смородина ухмыльнулся про себя. С Мефистофелем он еще не работал.

– Я все же больше работаю с документами. Мне нужна конкретная задача.

– Там и документы могут всплыть. Пока не понимаю где. – Александр вздохнул. – Я вижу вас и понимаю, что мне нужен такой человек, как вы. Мне рекомендовал вас...

Тут он назвал имя крупного клиента Платона Степановича. Это располагало. Однако столь расплывчатое техзадание, как «понимание души», настораживало.

– Я польщен, но все равно я не психолог. Произошедшая трагедия – потеря для всей России, не только для друзей Ольги... Иосифовны, если не ошибаюсь. Но я привык быть полезным.

А Мефистофель явно не привык к тому, что ему возражают.

– Она осталась совсем одна. Умер отец, который мог бы ее защитить. Муж тоже. У вас есть дети?

– Да, сын.

– Сильная, крепкая, полная планов. Пять километров гуляла по лесу каждый день. Приняла в пятьдесят девять лет лекарство, которое строго ей противопоказано. Целую упаковку. Даже если сдуру, то зачем так много? Как только я узнал, что случилось с Ольгой, сразу подключил к делу моих сотрудников. И оказалось, что за последний год она сняла в банке девять миллионов долларов. Но никаких следов того, что она купила на эти деньги машины, бриллианты, недвижимость. Пусть бы она жгла их по ночам у цыган, как пьяные купцы перед революцией. Так ведь не было такого! Мне это все не нравится. Признание-то, если нужно, можно получить. С этим вопросом нет проблем. Как говорил про признательные показания папа Оли: ничего не просите, сами придут и сами все дадут. Я хочу понять, что там происходило.

– Для этого нужен частный детектив. Я больше занимаюсь разводами...

– Вот развод-то там, я чувствую, и произошел. Детектив... Нужен просто умный человек. Умный и внимательный. Вы, наверное, читались романов?

Смородина почувствовал обиду, но он бы не был успешным адвокатом, если бы это чувство отразилось на его лице.

– Романы я люблю, это правда.

– На самом деле частные детективы не самые сообразительные люди. Незаметно следить за дурой какой-нибудь, это они умеют. А думать им не выдали. Да что там! Даже хороший агент может что-то проглядеть... Мои люди начали опрашивать свидетелей, так у одной припадок случился. Сейчас люди ничего не умеют. Молодые! Что от них ждать, от молодых? Раньше умели залезть в душу, выведать все так, чтобы человек сам не понял, где себя сдал. Я служил с ее отцом. У нас не бывает друзей, но ни с нами, ни и с нашими людьми так нельзя. Я стар и когда-нибудь умру. Дети не хотят жить в России, мои внуки учатся в Англии, – последнее

Александр сказал почему-то с отвращением. – Я уйду, никого не останется. Я хочу знать, что я все сделал правильно. Мне нужен умный наблюдатель, понимаете? Не камера и не бревно. Камер у нее в доме, к сожалению, не было. Вы должны заметить то, чего не видим мы. Уголовки нет. Пока нет, а если возникнет, разговор будет уже не с вами. Неужели это дело менее важно, чем развод очередной профурсетки?

Последнее явно было лишним. Платон Степанович избегал публичности. Он был уважаемым человеком, профессором, и к нему обращались люди, которые ценили конфиденциальность. Однако буквально полгода назад дочь его друга Болинского Лея, актриса модного сериала, влипла в очень некрасивую историю. Влюбленность в нарцисса – беда, которая случается даже в лучших домах. Ее муж врал, скандалил, приводил женщин в ее квартиру, а в финале избил. Но когда его наконец выставили за дверь, побежал на ток-шоу Антея Салахова за гонораром в несколько сот тысяч рублей. Там привечали дураков с фанабериями. Лея нуждалась в Смородине и могла доверять только ему. За двадцать лет до этого он иногда помогал Болинскому, если тот оставался с маленькой дочкой один. Купал, одевал, собирал кашу со слюнявчика. И на этот раз тоже помог. Пришлось сходить на ток-шоу. Он пожалел об этом сразу после съемок, манипулятивные ток-шоу были созданы отнюдь не для обмена мнениями сторон. Ему не дали сказать и трех предложений. Все это было очень неприятно. Но в любом случае Лея была артисткой, а не профурсеткой.

Александр не заметил чувств собеседника. Он думал о своем.

– Оля была недостижимой, единственной в своем роде. Неужели вам не хочется разобраться в том, что у нее происходило? На ток-шоу, конечно, с этим пойти будет нельзя.

– Давайте проясним. На ток-шоу я не хожу, единственный случай был связан с другом семьи.

– Мне нравится, что у вас есть характер, – Александр улыбнулся. – Мне сказали, если вы возьметесь, утечек информации точно не будет. Я прошу вас поехать в дом великой женщины, побеседовать со всеми, кто провел с ней последний вечер, поводить носом и составить о произошедшем собственное мнение. Все! Ради справедливости, если хотите, потому что чует мое сердце, что она была поправа. Вам трудно?

В этот момент на участке, принадлежавшем Ольге, в доме для прислуги, в котором жили садовник с дочерью Алевтиной, та, брызжа слюной, кричала на отца:

– Я тебя ненавижу! Лучше бы ты умер! Лучше бы тебя не было!

Уборщица-филиппинка Марла, проскользнувшая мимо них в ту часть дома, где хранился запас бытовой химии, даже не взглянула на семейную сцену. Впрочем, все привыкли не обращать на нее внимания, считая, что она не понимает по-русски.

Лена

Когда, вернувшись из Италии, Лена решила поработать в музее, она выбрала тот, который был ближе к дому. Она не имела никакой склонности к публичной деятельности, и ей нравилось быть связанной с чем-то красивым. В те времена не каждый мог позволить себе роскошь для души работать в музее, и так сложилось, что и вокруг нее были сотрудницы из благополучных московских семей. Совсем не богатые, однако в глаза не видевшие бедности. Если бы кто-то из коллег увидел ее седую соболиную шубу в пол, они решили бы, что это мех чебурашки. Лене именно это и было нужно. Счастливо избежав потрясений своей эпохи, она вела спокойную и приятную жизнь. Одевалась интеллигентно и неброско, была вежлива и доброжелательна.

«Имела все возможности совершить данное преступление... Единственный выгодоприобретатель... Наследница... Имела доступ к лекарствам... Пользовалась доверием... Рассчитывала остаться безнаказанной». Лене казалось, что она смотрит на происходящее, в том числе на саму себя, со стороны. Только ночь в камере изолятора с жесткой неудобной кроватью возвратила ее к реальности.

Служитель закона ссылался на показания свидетелей.

Лена вспоминала филиппинку, которая оставила все свои эмоции на родине и которую в доме никогда не было видно. На деньги, которые она получала у Ольги, росли ее дети на далеких островах в Тихом океане. Что с ней будет теперь? Кажется, она в любом случае должна была скоро улететь к себе домой.

Медсестра. Как ее звали? Зоя? Выносливая, исполнительная женщина. Такая немногословная, что Лена не могла сказать даже, умна та или нет. Но она всегда выглядела спокойной и удовлетворенной. Наверное, уже нашла другую работу.

Лена, выпрямившись, сидела перед следователем. К этому моменту круглая сирота, она принадлежала к числу интеллигентных и очень честных женщин, которых мир, как правило, использует. В ней еще сохранилось спокойствие человека, который всегда жил благополучно, чувствуя себя защищенным. У нее была тяжелая темная коса, белая кожа, длинные ресницы и большие карие глаза. На ней не было ни грамма макияжа, но губы, как у сказочной красавицы, казались бархатистыми и розовыми.

Лена всегда была медлительной и вдумчивой, но понимала социальную неприязнь, которая сквозила в словах стороны обвинения. Она представляла себе, с каким упоением подхватила бы эту историю желтая пресса: «Владелица трех квартир в центре столицы отравила тетю ради особняка». Скандалы, интриги, расследования! Доказательства? Какие доказательства? Сказано же: скандалы. Интриги. И расследования.

Ее родители умерли, когда ей исполнилось девятнадцать. Они оказались людьми уставшей закалки. В перестройку ее папа не захватил какой-нибудь завод, не стал замдиректора банка, как это сделали представители высокоадаптивной номенклатурной элиты. После смерти родителей Лена впервые почувствовала себя беззащитной. Ровесники не могли дать ей какую-либо защиту, в результате она пережила краткий роман с одним влиятельным пожилым человеком. Роман получился пресным, оказалось, эта защита не стоила мучений, которыми приходилось за нее платить. И она уехала учиться в Европу. Недавно, уже после того, как она вернулась, злая и глупая домработница (которая и воровать-то толком не умела) с вызовом сказала ей:

– Вам хорошо! Ждете, когда тетка умрет.

И тогда она в первый раз подумала о том, сколько рейдеров приплывет на запах ее возможной крови. К счастью, и недвижимость, и деньги у Ольги были как в России, так и в Европе. В Европе, как Лене казалось, ее никто не тронет.

Зря она вернулась.

Будущий исследователь творчества Василия Тропинина, она какое-то время воспитывалась у своей знаменитой тети, и тогда ей казалось, что та ее любила. На самом деле в лесном доме царили лживые, лицемерные правила, к любви никакого отношения не имеющие. Оле нравилось нянчиться с Леной, когда это было удобно, но долго это увлечение не продлилось. По ее мнению, дети должны были быть послушными, удобными и маленькими. Другими они хозяйку утомляли. Своих детей у нее не было.

Еще там был Данилка. Взрослые часто говорили, как было бы здорово, если бы они поженились.

Лена никогда не думала о деньгах, они у нее всегда были. Она знала, что так повезло далеко не всем, но человек имеет право присваивать как плоды своего труда, так и плоды своей удачи. И теперь она, тихая, прилежная девочка с первой парты, сидит в изоляторе временного содержания рядом с наркоторговками, а прыщавый следователь говорит, что якобы на стакане в комнате ее тети нашли ее отпечатки пальцев. Ничего. Когда пришла беда, она успела позвонить другу и тот сказал: «Ничего не бойся. Я рядом». Он же прислал адвоката.

Вениамин

Личный помощник Александра Вениамин внешне напоминал инвестиционного банкира. Подтянутый, дорого одетый, как и все недобрые молодцы, работавшие на Кощея. Им нравилось, что они такие одинаковые. У Вениамина была привычка странно улыбаться. Первое время Смородина хотел даже попросить его не напрягаться так, потому что эта улыбка напоминала оскал и пугала. Но со временем он понял, что так и было задумано.

Всю дорогу Смородина представлял себе, каким окажется дом девочки-мечты из его детства. Такая незаурядная женщина, как Ольга, не могла жить в грязи, бардаке, среди хлама. Лучше всего было бы, если бы она, как Дюймовочка, ночевала в цветке лотоса.

Когда они свернули к ее дому, Смородина вспомнил игру «Супер Марио», в которой пройденный этап открывал новую точку на карте. Так и здесь, поворот был совершенно неприятным, как будто внезапно возник уже после того, как они повернули. Они довольно долго ехали среди высоких деревьев, едва пропускавших солнце, и Смородина подумал, что пешком, особенно поздним вечером, ходить здесь опасно, то есть обслуживающий персонал полностью зависит от транспорта. На КПП машину быстро пропустили, и они въехали в огромный, отгороженный от леса сад.

– Старые деньги, – с уважением сказал Вениамин, – которые любят тишину.

В доме работали такие же, как и Вениамин, подтянутые молодые мужчины, очень хорошо знающие свои права, неизменно доброжелательные, ухоженные, хорошо одетые. Смородина любил европейскую вежливость – она позволяла экономить силы обоим участникам коммуникации. Как ваши дела? Хорошо. Как ваши? Все немного улыбались, от этого всем жилось чуть легче. Искреннее хамство требовало терпения, и поэтому утомляло. Но эти мужчины без страха и упрека? Они буквально выпроводили его из библиотеки, он только успел заметить, что один из них открывал и вытряхивал каждую (!) книгу. Они отличались от вежливых европейцев знанием, что у них есть право нарушать закон. По документам, конечно, они были помощниками бизнесмена. А вот по духу?

Для себя Смородина назвал их «миньонами Александра». Миньонами называли приближенных французского короля Генриха III. Это были молодые, ухоженные модные мужчины, которые за дерзкое слово могли и шпагой проткнуть. Злые люди считали, что титулы и земли король дарил им в результате неуставных отношений. Но в случае с Александром этот вариант был исключен, он просто понимал, что короля играет свита, и требовал, чтобы «его мальчики» вкалывали и в спортзале тоже.

– Думаю, – оскалившись сказал Вениамин, – пришло время открыть вам секрет.

«Это программа «Розыгрыш» на Первом канале», – пронеслось в голове у Смородины. Нет, все-таки не надо было идти на ток-шоу. В свои седые пятьдесят он повел себя как наивный мальчик, оставив редактору номер личного телефона. Теперь, во время важных встреч, ему звонили журналисты всех возможных телеканалов с просьбами прокомментировать роды кота. «У нас есть база, и в ней есть вы. Ну и что, что вы не ветеринар? Вы хорошо говорите», – телевизионщики жили в полной уверенности, что профессор, читающий лекции в Лондоне, побежит к ним впереди собственного визга. Ведь его покажут по телевизору!

– Александр Сергеевич выбрал вас не только...

Тут вошел один из миньонов.

– Веня, там родственник Данил. Говорит, вещи нужно забрать. У него был постоянный пропуск.

– Да-да, но только наш адвокат хочет с ним побеседовать.

Вениамина нельзя было назвать симпатичным, однако в нем присутствовала своеобразная красота первобытного охотника. Голубоглазый кучерявый мальчик с библейским именем,

провинциальный мажор. Наверняка у него было как минимум юридическое образование. И какие-то связи у родителей, потому что Александр так любил «своих», что вряд ли приблизил бы чужого.

Вениамин дождался, когда его коллега выйдет. Смородина напомнил ему о беседе, задав уточняющий вопрос:

– Александр Сергеевич выбрал меня за красоту?

– За красоту тоже. Он искал человека думающего. Адвоката, переговорщика, законоведа.

Но с умным сердцем. Такой на всю Москву один.

Вот лиса! Умеет польстить! Смородина дал себе пару секунд насладиться фимиамом, но сразу после этого собрался. Он дорого бы дал, чтобы узнать, как Александр проверял наличие у претендента вдумчивости. По запаху? Свой – значит, не думающий. А чужой, и не крадет ложки со стола, – точно думающий. Вениамин вряд ли понимал, что речь шла не об объеме знаний, а о выданной генетической лотереей конструкции головного мозга. Он льстил так, как его научили. На самом деле для таких, как Александр, привычка размышлять о несъедобном считалась вредной. А уж слушать сердце? Никогда! Таких людей, как Смородина, они считали лохами и прези- рали.

– Я польщен.

Вениамин извлек чуть ли не из воздуха тонкий «дипломат» из кожи.

– Вам потребуется подписать соглашение о неразглашении.

– Да я уже все подписал. Полтора часа как ничего не разглашаю.

– Еще один.

В новом документе было сказано в том числе, что Смородина должен прочесть повесть Гоголя «Портрет». Вероятнее всего, на Александра работал табун юристов, каждый из которых желал показать свою значимость. Никак иначе объяснить наличие такого количества дублирующих друг друга документов было нельзя. Нет, это не была программа «Розыгрыш», это был очень дорогой детский сад.

– Вениамин, поймите меня правильно. У меня богатая практика... Я и не такое видел, – тут Смородина лукавил, такого он не видел никогда. – Александр Сергеевич хочет платить триста долларов в час за то, что я буду читать Гоголя?

– Ага!

Смородина вспомнил мультфильм, в котором двое из ларца с тем же энтузиазмом отвечали на вопрос: «Вы что же, и есть за меня будете?» Вообще, чуйка у этого парня была хорошая. Когда надо он восхитительно симулировал энтузиазм и тупость.

– Только, Платон Степанович, у нас свое издание, – Вениамин достал потертую советскую книгу из своего волшебного «дипломата». – Ольга Иосифовна читала это перед смертью. Она была полна планов и работала над новой книгой. Вероятно, это был роман. Не исключено, что автобиографический. Прежние ее бестселлеры – научно-популярная литература. Вы ведь знаете?

Смородина отрицательно покачал головой, однако его интерес к покойной немедленно возрос.

– Александр Сергеевич – поклонник ее творчества, – продолжал Вениамин. – Он очень хотел бы проникнуть в ее замысел. Насколько это возможно. Понимаете, если человеку сунуть под ноготь иголку, он признается, что съел чижику. А нам бы хотелось напустить туману, мол, вопросы с завещанием, очень важно понять в каких отношениях с кем она была. Не могло ли быть нездорового влияния? Чтобы душевно так. А у вас на лице написано, что вы добрый. Вы чем-то похожи на доброго волшебника.

Смородина изумился тому, что Вениамин способен думать о добрых волшебниках. Он не знал, что на самом деле про себя Вениамин подумал, будто он, Смородина, похож «на большого плюшевого мишку».

– Поговорите, чаю попьете, книгу обсудите. А потом расскажете Александру Сергеевичу все, что вам удастся узнать. Считайте, что вас пригласили в гости.

Смородина вспомнил, как во время одного развода между супругами шла смертельная битва за собаку хитрой породы. Когда он впервые увидел собаку, его «умное сердце» заняло от жалости. Лысая нервная псина с перьями на голове оказалась не дворнягой, измученной в салоне Сергея Зверева, а дорогой родовой сукой, которой чуждо какое-либо воспитание. Она лаяла до сипения, грызла мебель и тут же на нее гадила. Будущие бывшие супруги не придавали этому ровным счетом никакого значения. Когда при непосредственном участии Смородины они сначала перестали оскорблять друг друга, как воины древности перед боем, а потом перестали сопротивляться поиску компромисса, оба заметили, что купленный в попытке восстановить семью питомец ни одному из них не был нужен. Платон Степанович употребил всю силу своего красноречия, чтобы зверину не усыпляли, а отвели к кинологу, после чего, снабдив приданым, передали другому владельцу.

Вся эта история с восстановлением замысла романа манила. Такую работу можно было сравнить с пребыванием в санатории. Все это напоминало приключение.

А за то, чтобы перечитать «Портрет», он, конечно, приплатил бы сам, но Вениамину было необязательно знать об этом.

Даниил

Смородина, ростом два метра три сантиметра, привык к тому, что он выше всех в помещении. Обычно он ходил немного ссутулившись, чтобы помещаться в дверных проемах и хоть немного видеть лица собеседников. Даниил оказался высоким, доброжелательным и вежливым юношей в круглых очках. Рукопожатие у него было приятным, он не жестил, давая понять, что с ним можно договариваться.

Два длинных очкарика стояли в гостиной, у самого основания витой лестницы. Тот, который постарше, запрокинув голову, любовался барочной фреской на потолке. Если принимать во внимание только цветовое решение, у Смородины было полное ощущение, что он оказался в Италии, во дворце какого-нибудь кардинала.

Заметив изумление адвоката, Даня пояснил:

– Это Бубосарский и Пиногриджов. Обычно они работают в стилистике поп-арта, но конкретно в этой работе есть пересечения с колористическими решениями рококо.

«Ну конечно, – подумал Платон Степанович, – Бубосарский и Пиногриджов. Это многое объясняет». Он помнил картину этого дуэта «Праздник урожая». Там, в продолжение античных традиций, на поле трахались. Праздник же. Урожая. Так как с тех времен, когда на полях это делали регулярно и официально, прошло пару тысяч лет, зрителям XXI века казалось, что перед ними что-то новое, оригинальное. Еще у этого творческого тандема была картина с классиками русской литературы, которые позировали в стиле ню, но при этом вроде бы держали себя в руках. Вероятно, второй праздник урожая, с такими знаменитыми участниками, был запечатлен в тайной серии гравюр.

Смородина порой встречался с друзьями на биеннале или крупных европейских ярмарках contemporary art². Как часто в этих помещениях они вспоминали Никиту Сергеевича Хрущева! О, что бы сказал он, путешествуя вместе с ними.

– А давно это нарисовано?

Даниил прыснул от смеха. Его доброе лицо и интеллигентный облик располагали. Даня был хороший мальчик, выглядел он неприлично молодо и носил очки без диоптрий, полагая, что это придает его облику интеллектуальность.

– При муже такого быть не могло. Если бы вы его знали, вы бы не спрашивали. Два года назад он умер, и у Оли началась новая жизнь.

– А у этой росписи есть... кхм... какая-то программа?

Даня помолчал, выдерживая паузу. «Такой молодой, а уже имеет вкус к беседе, к сервису факта», – подумал Смородина.

– Леля была чужда банальности. Привозила винтажные, коллекционные ткани, заказывала платья, которых ни у кого больше не было. Art de vivre³. Таких больше не делают.

– Так смысл есть какой-то?

– Не знаю. Честно говоря, мне не приходило в голову спрашивать.

Платон Степанович с уважением посмотрел на большой портрет хозяйки дома. Он висел на втором этаже, встречая тех, кто поднимался по лестнице. И был хорошо виден отовсюду. Ольга в широком бальном платье стояла на фоне колонны и леса.

– Она была искусствовед, вы же знали? По вечерам училась в МГУ. Она пять книг написала, это очень много. И каких! Ее хвалили и художники, и писатели. У нас есть отзывы уважаемых в мире музеев людей.

– Нет, я не знал. Такая красивая, еще и талантливый интеллектуал.

² Contemporary art – современное искусство (англ.).

³ Art de vivre – искусство жить (фр.).

Тем временем один из миньонов подошел к Вениамину:

– Что за лох?

– Адвокат. Шеф хочет, чтобы он здесь поводил носом.

– Что-то он на серьезного человека не похож.

– Зато жалость у баб вызывает. Они таким все рассказывают. Видишь, он в каких очках?

Много читает. А она была писательница.

Смородина рассматривал платье сложного кроя, XVIII или даже XVII века. Но он был в своих обычных очках, в них он не очень четко видел вдаль, а портрет висел высоко. Они поднялись по лестнице. Ага! Справа от Ольги висел кроваво-красный занавес, а слева росло апельсиновое дерево в кадке. Ее победный лик выглядел совершенно бесстрастно. У Смородины возникло ощущение, что он уже был здесь и все это видел.

– Тоже Пиногриджов?

– Нет, что вы! Совершенно другие, и работа кисти, и композиционное решение. С этим портретом, как я слышал, была связана некоторая тайна. Я не знаю автора.

– А тайну?

– Тоже нет.

– Неужели вам не было любопытно?

К ним поднялся Вениамин.

– Простите, был занят, отошел. Даниил, это Платон Степанович Смородина, лучший московский адвокат в деле урегулирования споров. Он помогает Александру Сергеевичу. Мы вам будем признательны, если вы расскажете ему про обстановку в доме.

Даниил дружелюбно уточнил у Смородины:

– Вы хотите допросить меня под протокол?

– Нет. Речь об обычной человеческой беседе. Есть некоторые вопросы относительно завещания, мы хотим выяснить, не оказывалось ли на Ольгу Иосифовну какое-то нездоровое влияние.

Вениамин, кстати, не обращал никакого внимания на фреску. Хотя она была огромна и удивительна.

– Не знал, что ваш интерес профессионален, – хмыкнул Даниил. – Вы больше похожи на книгочея, я думал, вы по душе местной библиотеки. Честно говоря, там что-то было про жизнь, спрятанную в портрете. Леля любила тайны. Спросите в колхозе.

– Где? – удивился Смородина.

– Извините. Внутрисемейное прозвище, она на него, конечно, не откликается. Честно говоря, сейчас вылетело из головы, как ее зовут. Я с ней иногда пересекался. Толстая такая. Тоже была на дне рождения. Культуролог или искусствовед.

– Татьяна, – уточнил для Платона Степановича Вениамин.

Итак, картина последнего ужина начинала проясняться. На нем присутствовала неприятная Даниилу культуролог из колхоза. Они еще немного поболтали о жизни в большом доме, Даниил показал Платону Степановичу свою комнату. После их уединение нарушил один из миньонов, который с хищной улыбкой предложил Дане большую картонную коробку для вещей. Смородина спустился вниз к Вениамину. «Такая статья, – думал он про Даниила. – Молод и прекрасен. Вся жизнь принадлежит ему».

– Если я правильно помню, это родственник, но не наследник?

– Дальний родственник мужа, – ответил Вениамин. – Не наследник совершенно. Бизнесмен.

Смородину не удивила четкость и скорость выдачи характеристики. Он понимал, что и на него, в недрах микроимперии Александра, уже заведена карточка, если не папка. Вероятно,

электронный документооборот существует, но, пожалуй, все еще и дублируется на бумаге. Он живо представил себе, как Вениамин вносит в кабинет Кощея бумажные папочки. Его больше удивило, что главминьон не обращает никакого внимания на фреску. Он вел себя так, как будто ее просто не существовало. Платон Степанович вспомнил строки Пелевина про то, что свинья не знает, как выглядит небо, потому что из-за строения шеи не может поднять голову.

В комнатах мужа Ольги было множество вещей разного характера и, как сказал бы Горький, одинакового назначения: мешать человеку свободно двигаться. Это был настоящий военный склад. Огнестрельное оружие, холодное оружие, антикварное оружие, каски, шлемы с перьями. Было ощущение, что хозяин этой коллекции со дня на день ждал решающей битвы со всей мировой историей.

– Александр Сергеевич не приедет?

– Он вообще не приедет, у него очень много работы.

Но Александр не производил впечатления загруженного делами человека. По крайней мере, книги Ольги он читал, раз называл себя их поклонником. Смородина скорее поверил бы, что у него противоположная проблема – куда девать время между едой и сном.

Платон Степанович обошел весь дом и увидел, что в нем орудуют сразу три помощника Александра, одинаковых с лица. Они осматривали содержимое письменных столов, ощупывали рамы картин. Увидев Смородину, они одинаково улыбались, тем самым давая понять, что он должен удалиться. Когда он получил дневник Ольги, в нем явно не хватало страниц.

Спальня

В спальне Ольги был идеальный порядок. Интересно, убрались после ее смерти или так было всегда? Платона Степановича сразу заинтересовала живопись. Напротив кровати хозяйки висели несколько картин, среди которых выделялся портрет мужчины с бакенбардами. Этот субъект в зеленом сюртуке взгромоздился на стул, закинул ногу на ногу и положил кисть левой руки на спинку стула, чтобы артистично ее расслабить. В его правой руке была гитара, а сзади него стояли ноты. Вся растительность на голове была взъерошена, вероятно, для того, чтобы показать, что он объят нездешним пламенем. На фоне каллиграфическим почерком было выведено: «В. Тропининъ». Работа была похожа на портреты из императорского музея, которые бывший крепостной выполнял для столичной знати. Было совершенно очевидно, что перед зрителями артист. Но не коллега художника по трудной добыче хлеба, а баловень судьбы, служащий музам в свободное от службы время. Кого-то лицо кавалера напоминало Платону Степановичу. Все-таки бакенбарды делают похожим на Пушкина кого угодно.

Трешины красочного слоя, резная позолоченная рама – все было как в музее. Смородина повернулся к Вениамину.

– Это ее коллекция?

– Да, она собирала минимум лет десять. Насколько я знаю, даже путешествовала по России. Мы вызвали эксперта, чтобы он оценил. Есть вопросы. Книга Гоголя лежала вот здесь, на прикроватном столике.

– Все остальное осталось так, как было?

– Проводилась некоторая уборка, но я ду- маю, да.

Вокруг Пушкина с гитарой висели еще несколько картин. Коричневый кавалер без улыбки. Интерьер с фортепиано, на котором играла девушка с еле различимыми чертами лица, а грузный офицер скучал сбоку. Какая-то семья сидела за столом вокруг букета. И еще, на маленькой работе с осыпавшимся красочным слоем, солдаты смотрели на ярмарке представление Петрушки.

За многие из книг в библиотеке Ольги Платон Степанович в студенческие годы продал бы свою бессмертную душу атеиста. Он испытал знакомое чувство – захотел, чтобы его оставили в покое. Ему почему-то казалось, что все заботы мира отойдут, если он останется здесь ну хотя бы на пару месяцев.

К счастью, уборка в спальне была фрагментарной. Так, в прикроватной тумбочке Платон Степанович нашел пухлый, разваливающийся томик Агаты Кристи. Миньоны им побрезговали, а зря. Судя по состоянию современного издания, леди Агату читали явно чаще, чем Гоголя. Недорогое, однако стильно и со вкусом оформленное издание. Каким-то чудом выпускающий редактор проморгал появление в коллективе дизайнера с руками из плеч, которые управляют непосредственно мозгом. Этот оформитель не пытался поразить богатством аллюзий или сложностью идеи, просто очень хорошо выполнил свою работу. Смородина держал в руке книгу с лаконичной черно-серо-красной обложкой. Чуть слева от центра была изображена фигура мужчины, прижимающего руку к области сердца. Из-под его руки просачивалось пятно красного цвета. Главным было не то, что именно изображено, а то – как. Ранен он или влюблен? У женской аудитории, на которую был рассчитан роман, скорее всего, этот вопрос не возникал. Влюблен. Этим и ранен.

Смородина не любил детективы, считая их смесью ребуса, мелодрамы и сказки. Название «Печальный кипарис» соответствовало его представлениям. Он испытал некоторую неловкость, листая замусоленные страницы. Адвокату, доктору наук, уважаемому в профессиональной среде человеку, некоторая деликатность мешала вторгаться в чужое пространство без приглашения.

Он опять вспомнил библиотеку внизу. Все издания были сгруппированы по размеру и как-то гармонично смотрелись по цветам. Напротив письменного стола располагалось большое зеркало в резной раме. Смородина еще подумал – зачем? Для того, чтобы любоваться собой, сидя за столом? Но это маловероятно, в таком настроении пять книг не напишешь. Или для того, чтобы, глядя в библиотеку из окна, со всех сторон видеть того, кто работает? Он живо представил себе мужа Ольги – сатрапа и чудовище, охранявшего свой аленький цветочек.

Вряд ли в библиотеке вообще были книги Агаты Кристи. Разве что академическое издание с комментариями, так же нетронутое, как большинство книг.

Он положил пухлый томик в свой портфель.

Дальнейшая беседа с Даниилом укрепила то представление о нем, которое было у Смородины изначально. Александр считал, что это «достойный парень, в котором чувствуется порода». Исходя из этой характеристики, Смородина ожидал увидеть кого-то похожего на спецслужбиста. Но Даня был похож на миньонов только тем, что у него тоже была ладная и подтянутая фигура. Он был совершенно из другого теста. От Даниила веяло здоровьем, силой, молодостью. Они обнаружили много общего, беседуя о культурном досуге в Москве.

– Вы часто бывали здесь?

– Здесь моя семья. На праздники почти всегда. Мог просто заехать, если Оле было что-то нужно.

– А ваши родители? Вы же родственники?

Даниил замялся. У него тоже была привычка в каждой непонятной ситуации улыбаться, но его улыбка выглядела иначе. В Дане были и сила, и мягкость, и лоск. Вениамин «вместо здравствуйте» тестировал слабости собеседника (они с миньонами, как восемнадцатилетние мушкетеры, всегда хотели драться), а у Дани чувствовалось наличие эмпатии. Помимо хорошего воспитания большую роль играла генетика. Даня просто был умнее. Он от природы был сложно организован, «двухэтажно», мог мыслить абстрактно и рассматривать явление с разных сторон.

– Сложная тема. Мои родители даже с Олей не общались минимум лет двадцать, но меня здесь принимали. Мой папа – двоюродный брат ее мужа. Отец был обижен, что брат, имея возможности, не помогает. Но он никогда никому не помогал. А у вас есть семья?

– Да, жена и сын, – он чуть не добавил «и собака», но вовремя остановился. Они стояли на втором этаже как раз напротив портрета хозяйки. – А почему нет парного портрета с хозяином?

Даниил пожал плечами. Смородина уже видел фотографию владельца дома. Прямоугольная голова, колючие волосы и зверский взгляд человека, готового убить кого угодно.

– Он бы не стал позировать, я думаю. Он сживал на ужинах, когда собирался близкий круг. Даже истории какие-то рассказывал. Как избил кого-нибудь.

– А как они жили?

Даниил посмотрел на Смородину.

– Для адвоката у вас странные вопросы.

– Мне бы хотелось понять ее душу. Мой клиент хотел бы представить себе атмосферу последних лет ее жизни.

– Я неоднократно имел дела с адвокатами. Кхм. Те из них, кто знает слово «душа», как правило, обходятся дороже.

Смородина дорожил своей репутацией именно потому, что знал, сколько мошенников пятнают имя его профессии. Ни один из них не приходит с табличкой «Я мошенник». Наоборот. Они могут говорить и выглядеть надежнее, чем те люди, которым стоит доверять. Мошенники могут бороться против мошенников. Могут декларировать помощь обездоленным, действительно помогая на камеру одному обездоленному, а других втихую грабя. Поэтому Платон Степанович промолчал. Частично Даниил был прав.

– Он был ее цепным псом. Видели, какие в фэнтези-романах бывают королевы?

– О, да.

– И вот она сидела на троне, вся обвешанная бриллиантами, а он был дракон, сторожил. К тому же она была Дева, а он Водолей.

«Интересно, – подумал Смородина, – молодой человек разделяет предрассудки из женских журналов». У него была гипотеза о том, что гороскопам, по сравнению со всей остальной лабудой, повезло потому, что в перестроечное время их публиковали в газетах. Журналам была дорога каждая полоса, позволяющая привлечь зрителя и продать рекламу, они были готовы на все. А у людей еще сохранялось уважение к печатной прессе. Даже те люди, которые понимали, что все это пишется штатным взмыленным журналистом, все равно читали «свой» прогноз на не-делю.

– Как по-вашему, почему она перестала сниматься?

– Я не спрашивал, но, насколько я знаю, там многое зависит от случая. Время изменилось. Ей не нравилось, что журналисты начали интересоваться ее отцом. Ее раздражало, если трепали его имя.

– А она вообще любила детей?

Даниил не расслышал, и Смородине пришлось повторить вопрос.

– Да, очень. Но меня больше, чем Лену. Я проводил здесь почти каждое лето.

– Даниил, а вот мы проходили мимо комнаты, вы сказали, что это комната медсестры. А она на хозяйском этаже. Это как-то непривычно.

– А, это была история. Зоя очень хорошо делала массаж. Оля сначала «угощала» им гостей, но, кажется, года три-четыре назад был скандал – оказалось, что кто-то так расслабился, что выболтал чей-то секрет. Что-то такое. Ну, и лавочку прикрыли. А медсестру перевели поближе.

– Не помните, что за секрет?

– Вы любопытный. Ждете открытия семейной тайны? Золото партии? Коммунальную квартиру из янтарных комнат?.. Не помню. Помню, что Леля была в бешенстве.

– В доме убирается филиппинка, она живет внизу. Я ее мельком видел. Она говорит по-русски?

– Нет, конечно. Зачем? По-английски и то еле-еле. Нет, тут не приветствовались слуги с ушами. И камер не было никогда, Оля не потерпела бы, если бы за ней подглядывали. Эта домработница относительно новая. Она, если я не ошибаюсь, скоро уедет. Они с самого начала так договорились, что филиппинка живет здесь три года, а потом возвращается домой.

– Муж следил за наймом персонала?

– Да, он всех проверял. Все, кто нанят при нем для работы в доме: медичка, домработница, садовник проходили такую же проверку, как при приеме на государственную службу, если вы понимаете, что я имею в виду. У них нет судимостей, они не склонны ко лжи, воровству и противоправным действиям.

– Интересно... А у филиппинки есть здесь какие-нибудь друзья? Родственники? Контакты?

– Нет. Она целыми днями в доме. Работает, ночью спит. У нее есть выходной. Ну, как выходной? День, когда она только готовит.

– А теоретически она могла выучить русский за эти три года?

– Я ее редко видел. Почему бы и нет?

– Спасибо. Вы ведь первый из обитателей, кто мне что-то рассказывает. А садовник?

– Он жил с женой и дочкой, но потом жена умерла. Молодая была, поздно рак обнаружили. Она сгорела моментально. Кармические отработки, вы знаете?

Смородина подумал, что это очень мило, то, что взрослый парень верит в сказки. Кармические отработки, да. Потерпи в этой жизни, в следующей переродишься удачнее. Что бы с тобой ни случилось, ты сам виноват – притянул мыслью или грехом прошлой жизни. Смо-

родина относился к любым религиозным верованиям спокойно, однако отмечал, что они особенно выгодны садистам и мошенникам. Но если говорить про золотую молодежь, к которой он отнес Даниила, чаще всего кармическими отработками интересовались девушки. Чем более паразитическим был образ жизни феи, тем больше она была склонна считать вселенную справедливой. Но Даниил – бизнесмен. Впрочем, бывают и хаотичные бизнесмены, склонные доверять гадалкам. Если такому человеку гадалка скажет, например, «тебе желает зла черный человек, который ходит с тобой по одному полу» – пиши пропало. Даже если выйдет дорого, черныш будет исключен из жизни хаотичного человека.

– То есть садовник тоже надежный? А мальчик, который стриг кусты, когда я приехал?

– Это его дочь, Алевтина. Она часто ходит в капюшоне.

– Ее не проверяли?

Даниил пожал плечами.

– Нет смысла. Она здесь выросла. Дядя такой ужас наводил, все по струнке ходили. Он, помню, злился, что она в библиотеке ошивалась.

– Ну, у нее, наверное, друзья есть? Она могла приводить кого-то, скажем, когда хозяйка уезжала отдыхать?

Даниил хмыкнул. Взгляд у него при этом стал нехороший.

– Может, и были бы друзья, если бы Леля отдала ее в специальную школу. Сами поймете, если пообщаетесь с ней. Мы ей советовали, но она все: «Нет, вы не понимаете, она нормальная! Я чувствую сердцем!» Занималась с ней сама.

– А что говорили учителя? Мать?

– Мать с удовольствием бы где-нибудь ее забыла. Это тяжело, когда ребенок ментально нездоровый. Но она выросла, на людей вроде не бросается. А в школу отсюда не поедешь, так что была на домашнем обучении.

– То есть она официально нездорова?

– Как минимум у нее задержки в развитии. Мыла не ест, и на том спасибо. По документам не знаю, что там.

Непонятно, зачем умственно отсталому подростку зависать в библиотеке?

– А как в последний вечер она вела себя за столом?

– Как обычно. Пялилась на всех. Я не понимаю этого. По-моему, ей от близости к нам только хуже. Она начинает на что-то надеяться, а все равно у нее в жизни ничего не будет. И зачем ей высшее образование, если она все равно будет стричь кусты? Но Леля была добрая.

– В доме часто бывали гости?

– Только свои. Еще лет пять назад Оля привозила кого-то – «это такая мать, какой никто из нас, девочки, никогда бы не был», этот «гениальный», тот «великий» и так далее. Но потом потеряла к гостям интерес.

– Кто-то из близких, из тех, кто знал все в доме, мог таить на вашу тетю зло? Люто ее ненавидеть?

– Таня эта. Огрызалась. Очень неприятная женщина.

– Огрызалась на Ольгу? И ее принимали в доме? Это всегда было?

Даниил немного подумал, прежде чем ответить.

– Нет, последние полгода. Так-то она понимала, как ей повезло иметь такое знакомство, но тут, видимо, снесло крышу от близости к звезде. Я повторю, считаю, что общаться надо с людьми своего круга. Конечно, Татьяна Оле завидовала. Некрасивая, бедная женщина с коробочкой из-под мыла вместо мозгов. А в коробочке даты жизни императора Клавдия и бусики. С ней стоять рядом стыдно, какая она убогая.

– Ольга такая женщина! У нее должна была быть компания интеллектуалов.

– Значит, она просто не приглашала их домой. Она перед нами в своих действиях не отчитывалась.

– Странно. Обычно в ближнем кругу как раз таки рассказывают последние новости. Но, конечно, Ольга была необыкновенная женщина. Вероятно, оберегала свой творческий процесс, не хотела выговариваться. Она вела соцсети?

– Фейсбук, кажется... Нет, что-то она рассказывала. Она всегда была за столом главной. Но такого, чтобы она прямо сводки с полей давала, нет, конечно. Про мероприятия рассказывала. Я могу многого не знать, у меня все-таки была своя жизнь.

– Получается, ее девичья компания – это дочь садовника и Татьяна. А Лена?

– Лена мне как сестра, мы здесь вместе росли. Как раз в этих комнатах. Она могла, конечно, только Лене что-то рассказывать. Но я не замечал, чтобы они были особенно близки.

Все пространство дома было обустроено вокруг витой лестницы. Если смотреть сверху, она аккуратно подходила к диванам. Чуть дальше располагался большой обеденный стол. Жилые комнаты и подсобные помещения были компактно расположены вокруг главной гостиной. Дом был большим, но изнутри, особенно со второго этажа, он казался живым, дышащим, необыкновенным.

– Расскажите о ней. Она приедет?

– Не уверен. Не могу сегодня до нее дозвониться. Может быть, она уехала в санаторий, давно собиралась. Лена... на своей волне. Работает в музее, любит читать.

– Она замужем?

– Нет.

– Мне казалось или кто-то назвал вас ее женихом?

– Нет, что вы. В детстве если только называли. Я не планирую жениться.

Даниил назвал Ольгу своей семьей, однако перспектива образования собственной семьи явно не вызывала у него энтузиазма.

– Лена часто оставалась здесь и знала все о доме?

– Конечно. У нее была своя комната. Почти как у медсестры, только без балкона.

– А Таня?

– Что-то писала, проводила какие-то уроки. Леля говорила, она убирала квартиры, когда они встретились. Повторю, я не мог понять эту тягу к обслуживающему персоналу. Был еще Толя, это просто бандит из девяностых. Не услуга, конечно, но тоже не уровень Оли. Чем-то похож на дядю, но дядя был системный, а этот вылез из леса и переоделся. Ей, видимо, интересно было, что там, за периметром. Еще на дне рождения был Федор, он мой давний друг. У него неподалеку дом. В этом же направлении, только дальше в область. Он живет с собакой. Вот этот человек нашего круга.

Даниил уже третий раз посмотрел на часы, явно желая свернуть беседу. Смородина задал еще несколько уточняющих вопросов и, прощаясь, проговорил:

– На случай, если захотите мне что-нибудь рассказать, вот моя визитка.

– А фамилия настоящая?

Платон Степанович привык к этому вопросу.

– Да.

Любопытно. Если верить Даниилу, Ольга имела желание развивать людей. Развивать людей – дело опасное, потому что, пока ты развиваешь человека, он внимательно смотрит, что именно и где у тебя плохо лежит. Хотя это верно в обе стороны. Смородина вспомнил дворянина пушкинской эпохи, господина Свинына. Пушкин презрительно писал о нем, что, мол, тот находит таланты у слуг. Слуг! В которых на самом деле нет и не может быть ничего особенного. Высокомерие поэта естественно, понятна и потребность в его выражении. Порывистый, увлекающийся Пушкин был совершенно непригоден к службе и одновременно, придавленный долгами, вынужден был служить. Вечные долги, несбывшаяся мечта о путешествии по Европе – все это создавало напряжение.

Злые люди говорили, что Свиныин ходил к опекаемым им художникам и жаловался: мол, сел рисовать пейзаж, а забыл, как писать небко. Подопечный рисовал ему небко. Свиныин шел ко второму: вот сел пейзаж рисовать, а забыл, как рисуется травка. Тот исполнял ему травку. Так с миру по нитке Свиныин предвосхитил постмодернизм.

Даниил молод, судит резко. Ольга наверняка смотрела глубже.

Зоя

Среди лекарств был полный порядок. Смородине почудилась некоторая иерархия, они были сгруппированы как книги в хорошей библиотеке. Медсестра пришла в дом еще при муже Ольги. Значит, по глубокому убеждению Александра, была практически вне подозрений. Муж Ольги знал толк в изучении чужих биографий.

– Ольга Иосифовна принимала много лекарств?

– БАДы регулярно, некоторые гормональные препараты. У нее был свой протокол. Остальное по необходимости.

– Как, по-вашему, она могла перепутать упаковки?

– Она была женщина творческая, эмоциональная, порывистая. Но ризипин – лекарство рецептурное, открывается сложно. Она сама его достала и открыла.

– Где он стоял?

– Здесь, – медсестра показала рукой. – А то, что Ольга Иосифовна должна была принимать каждый день, стояло у нее в комнате, на прикроватном столике. Меня уже спрашивал об этом Вениамин. Я, кстати, видела его в доме раньше – кажется, полгода назад.

«Какая крепкая женщина, – думал Смородина, разглядывая медсестру. – В ней от рождения много силы». Волосы короткие, мелированные. Как зажиточный слепыш, Платон Степанович разбирался в дизайнерских оправках. Оценив очки Зои, он с удовольствием отметил, что персоналу в этом доме платили щедро, раз медсестра могла позволить себе такую оправу. Его все больше интересовала незаметная филиппинка. Дом был очень большой, при этом всюду было чисто. Из любопытства он даже пару раз заглядывал под кровати. Пыли не было.

Видела Вениамина раньше? Это странно. Когда они ехали в дом, Вениамин сказал, что они подключились только после смерти его хозяйки.

– И все-таки она могла по ошибке его принять?

– Ошибаются даже великие хирурги, – ответила медсестра, поправляя очки.

– А суицидальных настроений у нее вы не замечали?

– Ольга Иосифовна держала с персоналом дистанцию.

– А кто знал о ее болезни сердца?

– Из домашних только я. Ольга Иосифовна была аристократкой, она не искала утешения или сочувствия.

– А филиппинка могла по ошибке накапать ей лекарство в стакан?

– Исключено. Она не прикасается к медикаментам.

– А Алевтина? Я так понял, что Ольга Иосифовна иногда брала ее с собой в спальню поболтать.

Медсестра вспыхнула, но она была здоровым социальным животным и умела держать спонтанные реакции под контролем.

– Каждый час вдали от отца-алкоголика приближал Алевтину к здоровой жизни. Бедная забитая девочка. Он ее доводит каждый день, а она без матери, ей некуда деваться.

– А почему она не уедет куда-нибудь учиться?

– Аля считает дни до совершеннолетия. Если не часы. Она на все готова. Может быть, даже пойдет учиться на санитарку. По крайней мере, я научила ее всему, чему могла. Следить за садом она точно может.

– Вы обращали внимание на роспись потолка?

– Знаю только, что она очень дорогая. Мы выезжали из дома, когда его красили.

– А сюжет?

– Что сюжет?

– Вас не смущают некоторые фривольности?

– Я медик.

– Извините. Понимаю, что вопрос покажется вам странным. Но... что на ней изображено? Ольга наверняка рассказывала.

Медсестра задумалась.

– Она часто повторяла, во сколько обошелся каждый расписанный квадратный метр, но я не вспомню точную цифру. Что она могла бы купить что-нибудь из бриллиантов... Мой Бубосарский... – Медсестра погрузилась в воспоминания еще глубже и повторила, видимо, подражая интонации Ольги: – «Мой Бубосарский! Такого ни у кого нет! Кто еще может так!»

Смородина тем временем взял одно из лекарств, которые нужно было принимать по протоколу. Его он очень хорошо знал.

– А почему флакон открыт?

– Ольга Иосифовна хотела, чтобы я открывала все, что она будет принимать. Ей иногда было трудно отвинтить крышку или отрезать кончик.

– То есть все вот это, – Смородина обвел часть лекарств рукой, – открыто. Но это, простите, не очень хорошо.

– Нет-нет, – медсестра улыбнулась, – я следила. Все было по правилам. Он был открыт в тот день, когда она должна была его принять. Теперь нет необходимости следить за режимом.

Дверь в комнату приоткрылась, и в щель просунулась белобрысая голова. Из-за длинной челки не было видно глаз. Медсестра повернулась. Ее голос потеплел.

– Алечка, иди в мою комнату.

Алевтина исчезла. Тотчас из-за двери донесся ее крик: «Я тебя ненавижу!» Медсестра извинилась и быстро вышла в коридор. Платон Степанович вышел за ней.

Садовник, отец Али, распространяя запах перегара на весь коридор, говорил дочери:

– Я на тебя заявление напишу! Ты меня ударила!

Медсестра встала между ними:

– Идите к себе, вас не приглашали в дом.

– А ты здесь не хозяйка! – заявил садовник.

– Вы пьяны, и я позову охрану.

Отец Али посмотрел на Смородину, по всей видимости, опознал в нем человека из касты господ и гордо удалился. Медсестра повернулась к Платону Степановичу. Она больше не выглядела железной леди, скорее наоборот.

– Извините, что вам пришлось это увидеть... Алечка, иди... – Она снова обратилась к Смородине: – Когда была жива хозяйка, он сунуться сюда не смел. Скорей бы уже Лена приехала и поставила его на место.

Татьяна

Татьяна была похожа на больную птицу. Согласно досье Вениамина, она жила на окраине Москвы со своей матерью и с маленькой дочкой. Работала фрилансером, бралась за любую работу. Восемь лет назад у нее вышли две книги, но ни денег, ни славы они не принесли. Суетливая, крупная, с пышной грудью и вертлявой головой. Она долго отказывалась приезжать, мотивируя это тем, что никаких вещей в доме у нее не осталось. Но миньоны Александра оказались убедительны. Она вошла в библиотеку, где ее ждал Смородина, держа в руке зубную щетку. Было что-то театральное в этой убогости, в этой показной незащитности.

- Я не имел удовольствия читать ваши книги.
- Кто сказал, что это доставит вам удовольствие?
- Я так понял, что вы были близки с Ольгой?
- Она приглашала меня на праздники.
- Это было профессиональное общение?
- Да, обсуждали выставки.
- Наверное, у вас было много общего? Вы ведь тоже писали книги.
- А вы со всеми адвокатами дружите?

Смородина улыбнулся.

- Можете рассказать про последнюю книгу, над которой Ольга работала?

Он ощутил, как Таня сжалась. По ее телу он мог читать если не мысли, то чувства. Если у нее была бы возможность, она бы стукнула его этой щеткой. Наконец она придумала ответ.

– Мы обсуждали книги, только когда были вдвоем... Нет, она не любила говорить о планах. Боялась сглазить.

– А вы не участвовали в процессе создания ее коллекции живописи? В качестве консультанта?

- Нет.
- То есть вы просто дружили. Получали удовольствие от интеллектуального общения.

На лице у Тани появилось недоброе выражение. Смородина отметил, что у нее тонкие губы. В отличие от Вениамина, Татьяна не улыбалась совершенно. Бледная, с волосами, собранными в пучок, она была похожа на уставшую от жизни матрешку.

- Она делала вам подарки? – спросил он.
- Она была щедрой.
- За последние два года вы не участвовали в покупке каких-либо художественных ценностей? Примерно на пятьсот тысяч долларов, может, чуть больше?
- Нет. К сожалению.
- Я еще хотел спросить про фреску.
- Господи! – Таня закатила глаза. – Это знаменитые современные художники. Если вас смущает сюжет, в историю искусства вам лучше нос не совать – не понравится.

Было ощущение, что Смородина в абсолютно пустом трамвае прижался к ней и прицельно наступил на больную мозоль. Больше ничего добиться не удалось. Таня огрызалась и только что не лаяла на него.

Снова спальня

Смородина, конечно, испытывал объяснимый трепет перед Ольгой. Уже взрослой женщиной она окончила факультет истории искусств МГУ. И вот уже много лет люди читают ее книги о живописи. Она была успешна во всем, за что ни бралась. Интеллектуал. Красавица.

Еще учась в школе, Ольга начала сниматься в кино. Интернет, пересказывая журнальные статьи того времени, сообщал, что режиссер увидел ее на улице и тотчас выделил среди других девочек. И, хотя картины с ее участием не вошли в золотой фонд мирового кинематографа, их посмотрел весь Советский Союз. Даже в 2010-м ее помнили многие ровесники. Она же не захотела сниматься дальше: режиссера сочла занудой, а оператора остолопом, который снял так, что на монтаже вырезали лучшие кадры с ней. Все это было так скучно.

Если Ольга что-либо покупала или в чем-либо участвовала – это автоматически объявлялось самым лучшим. Разумеется, ей многие завидовали. Тот же режиссер однажды сказал, что человечество должно быть ей благодарно. Вторую часть фразы «за то, что она не увлеклась хирургией», конечно, никто не говорил.

В доме было много ее фотографий. Смородина узнал почерк Влада Локтева, на том снимке Ольге, наверное, было около сорока. До этого возраста было много снимков. А после? Она отказывалась от интервью, мотивируя это тем, что насытилась поверхностным вниманием еще в юности и все, что нужно, написано в ее книгах. Смородине удалось найти только несколько снимков в светской хронике. В 59 лет она выглядела бесподобно.

Ее спальня произвела на него сильное впечатление. Это была очень большая комната. По всей видимости, Ольга не нуждалась в уюте, камерности. При входе сразу располагалась кровать, окруженная старыми портретами. В основном это были антикварные картины в позолоченных рамах, но парочка была явно XX века. Что-то выдавало в них простоту, «незализанность» языка живописи. И, конечно, рамы были другие. Все это висело довольно-таки кучно, в живописном беспорядке, и в этом был стиль.

Портрет «Пушкина» был самым большим по размеру. Он висел строго напротив кровати. Мода существует для того, чтобы унифицировать людей для окружающих и выделять их из толпы в их собственных глазах. Бакенбарды, крой платья, шейный платок – все это можно было перенести на любого мужчину, и он тут же стал бы похож на Пушкина. Глаза, впрочем, у субъекта были черные. А у Пушкина, немца в той же степени, что и арапа, глаза были голубые.

Может быть, этот портрет был нужен ей для романа? Она знала что-то про поэта? Или его потомков?

У окна располагался старый тяжелый письменный стол из темного дерева. На самом видном месте стояла большая черно-белая фотография мужчины. Они с Ольгой были похожи как две капли воды, но на его лице те же огромные глаза смотрелись иначе – холодными зеркалами. Вряд ли его можно было назвать красивым. Но вот кто-то хранил его фотографию уже много лет. И его стол, по всей видимости.

Задумчивость Смородины прервал Вениамин. Он появился бесшумно, как ниндзя, и сел напротив.

– Это Иосиф Архипович, отец Ольги.

– Я понял.

– Александр Сергеевич...

– Еще один договор о неразглашении?

– Приятно иметь дело с понимающим человеком.

Полуслепыми кротовыми глазами Смородина скользил по строчкам договора. Все они были похожи один на другой. Но доверять Александру было все равно что доверять крокодилу. Или гиппопотаму. В древности в Египте водилось множество гиппопотамов – страшные звери.

На этот раз упор был сделан на то, что публично обсуждать личную жизнь Ольги – примерно такое же преступление, как измена родине. Закончив чтение, Платон Степанович поставил свою подпись.

– Шеф, наверное, уже сказал вам: за последние два года она сняла наличными девять миллионов долларов. Здесь этих денег нет. Мы все осмотрели, искали хоть что-нибудь. Тайник. Расписки. По-видимому, замешан кто-то очень близкий. Мы вообще собираем данные по мошенническим схемам, в последнее время они эволюционируют очень быстро. Новый айфон еще не вышел, а новый развод от мошенников уже во всех телефонах страны.

– Такая сумма будет весить примерно девяносто килограммов. Это много. Филиппинка не поднимет. Может, покупала картины? За кэш?

– Для оценки картин мы уже вызвали эксперта. Украшения все давние. Новых крупных приобретений после смерти мужа не было.

– Речь вполне может идти о краже или вымогательстве.

– Были бы в доме камеры, мы бы уже все знали. Но хозяйка дома была против видеонаблюдения.

– Вот это необычно. Ей было что скрывать?

– Она жила в восьмидесятых, эпохе своей молодости. Этот дом – машина времени. Она, кажется, вообще была не в курсе, насколько все изменилось. Мы сегодня сталкиваемся со специально внедряемыми к людям горничными, любовницами, психологами. Вроде покорное тело, а на самом деле бывший офицер службы. Вот он где, прогресс. Возможно, и рядом с ней кто-то сидел и деньги отсасывал. А Ольга и не догадывалась.

Платону Степановичу стало обидно за прогресс, но виду он не подал.

– Вы так хорошо ее понимаете? Бывали здесь раньше? До ее смерти?

– Я же вам сказал, что нет. Еще в машине.

– А какие именно вопросы по завещанию?

– Нет завещания.

Смородина поднял бровь.

– Удивительная женщина, – на несколько секунд голос Вениамина потерял гладкость, как будто он расслабился и стал живым двадцатипятилетним человеком. – Она не могла не понимать, что это будет проблемой. – Тут он снова взял себя в руки. – Но персоналу она бы ничего не оставила. Ни слугам, ни чужим людям.

– Все работники старые. Муж, я так понимаю, только что в попу не светил при приеме на работу.

– Почему не светил? Кто не давал светить, таких не брали.

Задумавшись, Платон Степанович выдвинул верхний правый ящик письменного стола и обнаружил там пачку журналов со сплетнями о знаменитостях.

Фреска

Смородина сделал наконец то, о чем давно мечтал. Он лег на большой диван в гостиной так, что оказался прямо под центром фрески. Она была изумительна. Голубые небеса, редкие облака. Перспективное сокращение, возможно, было украдено с одной из барочных итальянских росписей. Плоского потолка не существовало, только уходящее в высоту голубое небо. Был намечен источник света – наверное, в его качестве предполагалось солнце или какая-нибудь звезда. И вот к этому источнику света летели мужчины. Они двигались в вихреобразном движении. Вставленные по бокам младенцы-ангелы, которые прижимались друг к другу и тоже кружились, усиливали сходство с дорогими итальянскими обоями XVII века, которые теперь изучают в университетах. Все были изображены довольно-таки реалистично. Чувствовался вес их тел. Грязные пятки главного персонажа висели прямо над Смородиной, ягодицы выглядели дряблыми. «Оммаж Караваджо, – подумал Смородина. – Тот тоже совал благородной публике в глаза пятки римских бомжей». Они с женой часто ездили во время путешествий на экскурсии.

Главный персонаж был ближе всех к источнику света. Остальные стремились к нему, этому главному, прижимая правые руки к волосатым грудям. Их лица были воодушевлены, как на полотнах Налбандяна или на рекламировавших власть фресках барочных церквей. В центре летел Сталин. Художник заботливо передал его небольшой животик. Одним из стремящихся к нему явно был муж Ольги, его прямоугольную голову мастер смело очертил размашистыми мазками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.